

О. Н. Астафьева<sup>2</sup>

## МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Для национальных государств в современном мире вопрос о выборе модели межкультурных коммуникаций приобретает особый смысл, поскольку разные культурные ценности и традиции, язык, образ жизни и стили поведения приводят к необратимым, порой трагическим, последствиям, если встреча культур

не является свободным взаимодействием и происходит в контексте особого геополитического дискурса. Историко-культурный опыт человечества показывает, что любые проявления, будь то «насильственная культурная ассимиляция» при (военном или политическом) доминировании одной культуры над другой либо «добровольное заимствование» при позитивных социальных установках, вызывают сложный комплекс последствий, оценить которые можно лишь по прошествии ряда лет<sup>3</sup>. Ранее всего проявляются признаки кризиса культуры и ориентации на смену национально-культурной идентичности, что связано не только с запросами элит на новую картину мира и перестройкой исторической памяти, но и обуславливается общими культурно-цивилизационными трендами. Основным инструментом достижения этих целей становится культурная политика, корректирующая как общую стратегию развития, так и повседневные практики социального жизнеустройства и бытия человека в культуре.

Зарубежный опыт показывает, что стимулом для подобного рода трансформаций выступают разные факторы, влияющие на сложившиеся легитимированные модели межкультурных коммуникаций. Во Фран-

<sup>2</sup> Заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Культурная политика как теоретическое понятие и управленческая деятельность», «Культурология. Теория культуры» (в соавт.), «Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации» (общ. ред., соавт.); «Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы», «Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика» (2-е изд., в соавт.), «Право и культура» (в соавт.), «Постнеклассические практики: опыт концептуализации» (общ. ред., соавт.) и др. Член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, член экспертных советов (ВАК Минобразования и науки РФ, РГНФ и РНФ), член Союза композиторов России, Российского философского общества, председатель Московского филиала Научно-образовательного культурологического общества и др. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

<sup>3</sup> См.: *Гавров С. Н.* Взаимодействие культур и поиск новой идентичности // Вопросы социальной теории : науч. альм. М., 2010. Т. IV. С. 501–503.

ции таковыми выступили: утрата устойчивости коллективной идентичности и ослабление рамок гражданской идентичности под давлением этнокультурных процессов и обострившихся социальных проблем; в Великобритании — усиление постколониального дискурса и расширение миграционных процессов, приводящие к появлению гибридных идентичностей<sup>1</sup>. Следует признать, что это заставило правительства названных стран задуматься об уточнении (а в ряде случаев и о смене) ориентиров культурной политики, повышении внимания общества к правам человека в культуре и признании важности соблюдения норм, обеспечивающих открытость взаимодействия для всех граждан, независимо от этнокультурной и религиозной принадлежности, расширении поддержки государственного языка в системе образования и других специализированных институтах культуры. Как показывает практика, такое понимание задач культурной политики позволяет обеспечить пусть далеко не бесконфликтное, но продвижение этих стран по выбранному пути развития (с оценкой которого можно соглашаться и о достижениях которого можно дискутировать).

В целом, начало тысячелетия характеризуется изменением отношения к взаимодействию культур, принципам межкультурных коммуникаций, которые стали рассматриваться в контексте национальной безопасности не только европейскими государствами. Причинами такого отношения выступают: усиление дискурса о смысловом пересмотре концепции разнообразия со стороны социальных и культурных меньшинств как способе реформатирования сложившейся европейской системы ценностей; «нагруженность» идей культурных различий политическим фоном; проявление в некоторых странах этнического гегемонизма и/или следование идеям этнического фанатизма; отсутствие источников пополнения ресурсов множественной идентичности в глобализирующемся мире и др. Пути преодоления этих проблем — культурный протекционизм и активное распространение установок на социальную интеграцию и межкультурный диалог, в основе которых заложены принципы уважения к разным культурам. В рамках стратегии сближения культур как долгосрочной перспективы на ближайшее десятилетие такой подход можно рассматривать как концептуальную основу для долгосрочного планирования социокультурного развития в условиях нестабильности, инструмент для снижения напряжения между тенденциями партикуляризма и универсализма в условиях глобализации, совершенствование практик межкультурного диалога<sup>2</sup>.

Обратим внимание на то, что идеи культурного разнообразия и самобытности этнических культур, составляющих национальную культуру, не всегда закреплены в законодательно-правовых системах государств, хотя и содержатся в международных актах ЮНЕСКО, в силу чего носят рекомендательный ха-

рактер. В то же время идеи стихийного саморазвития национальной культурной среды как способности стирать границы между культурами в эпоху глобализации оказывают не менее сильное влияние на социокультурные процессы. На наш взгляд, плюралистическое понимание межкультурного взаимодействия в культурных политиках разных стран приобретает сложный характер, ибо в редких случаях выступает как обязательное следование тенденциям либо культурного релятивизма, либо мультикультурализма, либо иным теоретическим конструкциям. Значительно более продуктивными представляются концепции культурной политики, основанные на понимании значимости социальных и человеческих интересов, трактовке взаимосвязи и взаимозависимости традиций и инноваций как сложного единства, достигаемого за счет признания значимости культурных констант национальной общности (ценностей и смыслов), придающих устойчивость национально-культурной идентичности (при условии, что это единство динамично и открыто как для саморазвития, так и для социокультурного регулирования).

Не случайно наиболее популярны технологии управления, нацеленные на достижение такого состояния культуры, при котором ценности одной культуры могли бы свободно использоваться представителями других культур. Это состояние предлагается обозначить термином «метакультура», она способна рефлексивно использовать достижения других культур для творческого саморазвития<sup>3</sup>. Данный подход к культуре, закрепляемый в соответствующей модели межкультурных коммуникаций в глобализирующемся мире, в той или иной интерпретации уже излагался в динамических концепциях культуры (диалоговые, полилоговые, синергетические концепции, в синергичной антропологии), где идеи пограничья, переходности, нелинейности и автопоэзиса, достижения когерентных образований и синергичных эффектов составляют методологическую базу. В целом, поддерживая введение понятия «метакультура» в научный социально-гуманитарный дискурс, обратим внимание на то, что политика идентичности, более всего соответствующая современной ситуации, предполагает отношение к границам как к тому, что, с одной стороны, обеспечивает безопасность и определенность, в силу чего должно быть охраняемо, с другой — поддерживаемо, как обеспечивающее свободное творческое самоопределение на границах культурных сред<sup>4</sup>.

В контексте обсуждения проблем межкультурной коммуникации, размышления о метакультуре и ситуации государственных границ не только как территориальных, но и границ автопотоков, информационных и культурных обменов приводят нас к мысли о том, что каждая страна выбирает собственную комбинацию векторов развития, соответственно моделей регулирования в «переходных» состояниях границы, а значит, и правил межкультурного взаимодействия. Многослой-

<sup>1</sup> См. об этом подробнее: *Астафьева О. Н.* Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории : науч. альм. М., 2010. Т. IV. С. 255–281.

<sup>2</sup> См.: План действий по проведению Международного десятилетия сближения культур (2013–2022) : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 68/126 от 10 декабря 2013 года.

<sup>3</sup> См.: *Ячин С. Е., Киреев А. А.* Исследование культур в метакультурной перспективе // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. XVI. Вып. 3–4, № 83–84. С. 92.

<sup>4</sup> См.: *Иконникова Н. К.* Символические границы местных сообществ // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития. М., 2010. С. 74–77.

ность или многоаспектность межкультурных коммуникаций естественно порождают столкновения, которые во многом связаны с расхождением в целях, ценностях, взглядах и интересах. Соответственно многие исследователи обращают внимание на разброс векторов границ, разделяющих людей, народы, культуры, экономики и пр., при динамично увеличивающемся давлении глобализации. Актуальность их изучения неизмеримо возрастает: без перехода нет развития. В свою очередь развитие в переходный период не является стихийным поиском собственного вектора вслепую, поскольку предполагает корректное управленческое воздействие на процессы самоорганизации. Заметим, возрастание требований к культурной политике национальных государств ведет к повышению ответственности за уровень компетенций людей, ее осуществляющих.

Таким образом, политические и цивилизационные вызовы XXI века меняют культурные приоритеты разных национальных государств, которые в настоящее время являются членами многих глобальных и региональных объединений. Исходя из этого, решение вопросов внутренней политики в социальной и культурной областях уже не может рассматриваться вне понимания проблемы согласования интересов разных сообществ, поскольку это связано с преодолением дисбалансов между инновационными глобализационными трендами и локализацией, ориентированной на сохранение традиций и национально-культурной самобытности. Следование любому из этих векторов, без учета потенциала каждого из них, в конечном счете не способствует ни поддержке культурного разнообразия, ни стимулированию современных тенденций общественного развития. Фокусирование внимания политиков и ученых на комплексном подходе к анализу регионального социокультурного развития в условиях глобализации с учетом этнокультурного состава местных сообществ закладывает основания для особой модели культурной самоорганизации и гражданского общества. Исторически складывающиеся по этнокультурным и/или религиозным признакам местные сообщества в настоящее время чаще всего различаются по формальным административно-территориальным признакам и организуются в новые смешанные типы социальных групп. Местные сообщества дробятся искусственно, поскольку граница разделяет территорию и местную власть, но не традиции жизнеустройства и культуру в целом. Это одна из проблемных зон многих современных национальных государств, когда наряду с рисками открытых конфликтов могут закладываться основания для поддержки среды межкультурного диалога. В равной степени эти разновекторные по-

люсы (этнокультурного разнообразия или культурной гомогенности) вносят коррективы в приоритеты региональных и локальных культурных политик, сказываются на состоянии коллективной идентичности людей, проживающих на одной территории.

Политика идентичностей, демонстрирующая сдвиг в сторону пограничной множественной идентичности, связывается в западных странах с необходимостью понимания того, что быстро сменяемые модели межкультурных коммуникаций и образа жизни обусловлены социальной мобильностью населения. Динамика перемещений, заложенная в концепциях открытости, активное освоение новых видов деятельности и культурных практик в разных странах с очевидностью показывают, что идеи социального сплочения и общей коллективной идентичности уходят на второй план; вопрос о приверженности европейским ценностям людей, проживающих на общей территории, является значительно более сложным, чем социально-экономические достижения<sup>1</sup>. В контексте такой постановки вопроса о коллективной идентичности уместным представляется использование понятия «идентичность» во множественном числе, что соответствует характеристике обществ как фрагментированных. Коллективная идентичность выступает как набор «коллективных идентичностей», разделяемых ситуативно. Отсюда — возрастание потребности в общих целях, распространение модели культурной политики, опирающейся на концепцию устойчивого развития в понимании ЮНЕСКО, раскрывающую эффективность комплексного подхода к использованию творческих ресурсов культуры в общественном развитии в разных странах<sup>2</sup>. Привлекая внимание к общим целям человечества, ресурсосбережению и внедрению «зеленой экономики», преодолению бедности и повышению грамотности населения разных стран, расширению пространства экономической деятельности за счет использования уникальных товаров, культурных событий, туристических продуктов и пр., то есть быстро растущих секторов<sup>3</sup>, формируется общая мировоззренческая позиция уважительного отношения к природе и культуре, подход к оценке вклада культуры по качественным показателям — повышению качества жизни, расширению возможностей активного участия в культурной жизни и творческой самореализации человека, созданию условий для комфортного совместного проживания представителей разных национальностей на одной территории. Центральной задачей остается идея гармоничного взаимодействия культур и цивилизаций, достижение которой связывается с разработкой разных моделей культурной политики, таких как партисипативная культурная политика и др.

<sup>1</sup> См.: *Barry B. Culture and Equality: an egalitarian critique of multiculturalism.* Cambridge, 2001.

<sup>2</sup> См.: «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития»: Декларация ЮНЕСКО, принятая в Ханчжоу (май 2013 г.). URL: [http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final\\_hangzhou\\_declaration\\_russian.pdf](http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf)

<sup>3</sup> См.: *Fleming T. A Creative Economy Green Paper for the Nordic Region / Tom Fleming Creative Consultancy, UK in cooperation with the Nordic Innovation Centre (NICE). November, 2007. P. 5.*